

Книги Анастасии Тор

Трилогия «Ковен озера Шамплейн»

Ковен озера Шамплейн
Ковен заблудших ведьм
Ковен тысячи костей

Дилогия «Рубиновый лес»

Рубиновый лес
Кристальный пик

Романы-однотомники

2:36 по Аляске
Самайнтаун

Цикл «Сказания о мононоке»

Сказания о мононоке
Сказания о ёкаях

АНАСТАСИЯ ГОР

Служба поддержки для мафиози в депрессии

ЧЕРНЫМ БЕЛО

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г67

Иллюстрация на переплете *Nursanur*

Иллюстрации в блоке *Риджи*

Дизайн переплета
Кати Петровой и *Татьяны Евтихевич*

Гор, Анастасия.

Г67 Служба поддержки для мафиози в депрессии / Анастасия Гор. – Москва : Эксмо, 2026. – 512 с.

ISBN 978-5-04-251648-1

Виолу Ковальски увольняют из службы психологической поддержки по телефону из-за инцидента на линии. Последний звонок, который она успевает принять, поступает от таинственной старушки: она просит Виолу помочь «трудному внучку».

Виола рассчитывает встретить обычного богатого невротика, но вместо этого получает Мэттью Куроду – депрессивного босса мафии со скверным характером и вечными перестрелками с вражеским кланом.

Чем сильнее Виола пытается спасти клиента, тем глубже погружается в преступный мир, собственную тьму и опасную близость, в которой любовь больше похожа на соучастие.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-251648-1

© Гор А., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

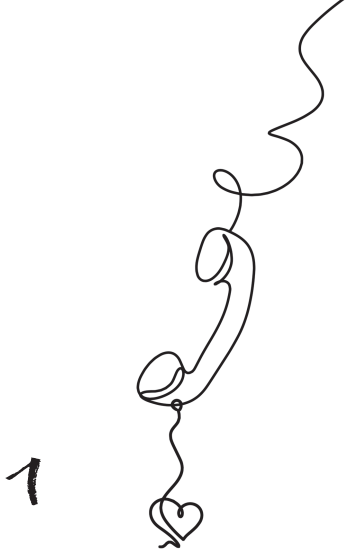
Спасибо шутке «Торгую людьми, бананами... Ха-ха, шучу. Не бананами».

И на всякий случай.

Предупреждения: нецензурная лексика, жестокие сцены, секс с использованием посторонних предметов, психические расстройства, сомнительные методы лечения, нездоровые отношения, внезапно здоровые отношения, кринж и не самые реалистичные (к счастью) события. Вот теперь приятного прочтения!

Закрытый аукцион
для мафиози

mafiosisupport.ru



1

Тяжело убеждать людей, что их жизнь — не полное дерьмо, когда твоя собственная именно такая.

Неудивительно, что на этой работе я продержалась всего два месяца, хотя здешние условия казались блажью после того, через что мне уже пришлось пройти, лишь бы закрепиться в этом городе и с позором не сбежать обратно. Как и предрекала мама, для мегаполиса я оказалась всего лишь фастфудом: город с самого начала пытался прожевать меня и выплюнуть. Вот только я из тех, кто намертво пристает к зубам, как старая жвачка. Именно поэтому не существовало такой работы, за которую я бы не согласилась взяться, если только на ней, конечно, не предлагали «отрезать от вас кусочек в обмен на сотку», как по тому номеру с листовки, которую я сорвала с подъездной двери. К счастью, рядом висела еще одна — с номером службы поддержки, где как раз работала моя подруга Кэролайн. Она передала мое резюме начальству, и уже через несколько дней я получила все, о чем тогда могла мечтать.

Безлимитный буфет с кунжутными булочками и черным кофе (молоко, правда, платное, жадные капиталисты!); раздельные туалеты — мужские и женские (после

того, как я месяц проработала в ночном клубе и насмотрелась всякого, это было важно); свой личный рабочий стол (ну и что, что опенспейс, разве в этом мире мы не достаточно одиноки?) и, главное, такая зарплата, что мне бы больше не пришлось совмещать с еще одной работой по ночам или вспоминать номер с той, другой листовки. Все, что от меня требовалось, — это диплом об образовании, опыт, умение трепать языком и широко улыбаться. Что-что, а последние два пункта мне давались настолько хорошо, что на первые два никто даже не взглянул.

Лишь позже я поняла, что дело было не только в этом.

— Служба психологической помощи. Диспетчер Виола слушает. Как ваше имя?

— Называйте меня Джонни.

— Хорошо. Что случилось, Джонни?

— А то, что мой босс — полный козел!

Ох, Джонни... Мы с тобой что, работаем в одном месте?

Мой собственный козел в тот момент как раз проскакивал мимо рабочих столов, в дорогом кашемировом пиджаке — его он, вероятно, купил на те деньги, которые отмывали через липовые зарплаты сотрудников. Я догадалась об этом не только потому, что на мои документы толком не взглянули, а в бухгалтерский лист и вовсе записали как Виолетту — Виола я, Виола, это разные имена! — но и потому, что за первый месяц мне выплатили лишь половину обещанного, сказав, что после второго непременно все компенсируют. Снова перебирать уличные объявления и обивать пороги магазинов не хотелось, да и собрать все необходимое для трудоустройства сюда тоже было тем еще квестом, так что я стиснула зубы и, как и требовали на собеседовании, улыбалась.

Однако, должно быть, при виде своего начальника перестала, потому что директор отдела замедлился, наклонился и, наглядно растянув пальцами уголки рта, повторил наше железное правило: «Улыбайся!» В службе свято верили, что улыбка делает твой голос оптимистичнее и слышна даже тогда, когда тебя никто не видит, а значит, это помогает располагать к себе людей. Но я снова нарушила это правило, когда после пяти минут классического перебрасывания мяча в духе вопрос-ответ с того конца провода раздалось:

– Что мне поможет?.. Хм. Ну, у меня уже есть ствол. Крутой ствол, кстати, отжал его у одного парня в прошлую среду, мы с ребятами так часто по средам развлекаемся... Модернизированный Т-9 на патроны пятьдесят пятого калибра, ты прикинь! Я хочу взять его и завалить этого узкоглазого белобрысого крысеныша, своего босса! Думаю, после этого моя жизнь сразу станет намного легче. Как вы считаете? Чего молчите? Эй! Вы еще здесь?

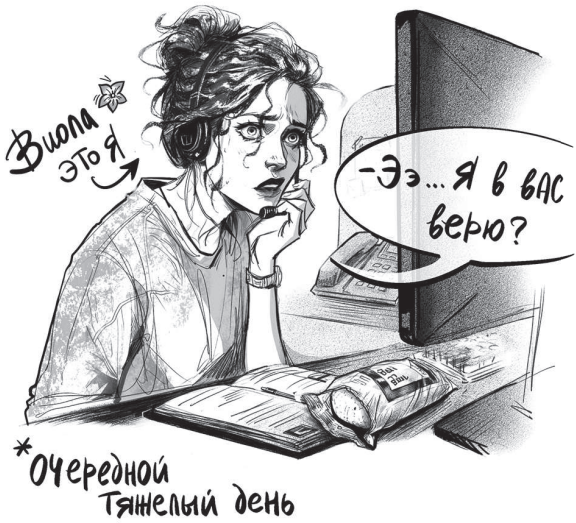
– Э-э... – Я скосила глаза на третий пункт листовки, в котором как раз следом за «Улыбайся!» розовым цветом значилось: «Мотивируй!» – Я в вас верю?

– Че, правда?

– Да.

Я сбросила вызов раньше, чем успела бы наговорить еще на одну статью помимо той, которая уже светила мне, если звонивший осуществит задуманное и копы захотят прослушать запись его последних исходящих. И почему такие типы вечно попадают именно на меня?!

Конечно, не все вызовы были такими. Большинству требовалось лишь немногим больше, чем требуется незнакомцу, подсевшему к бармену за стойку и заказавшему разом бутылку виски. Кто-то и вправду звонил уже совершенно пьяный с грохочущей музыкой на



фоне, а кто-то так рыдал взахлеб, что даже при всем желании я не могла сказать больше, чем «Ага, я понимаю», потому что было не разобрать ни слова. Каждый второй начинал с «Вы, наверное, подумаете, что я сумасшедший...», а каждый третий оказывался задерганным школьником, который был убежден, что один проваленный экзамен способен разрушить всю будущую жизнь. Третье по популярности место делили девицы, страдающие по бывшему (они всегда звонили строго по пятницам и субботам), и мужчины, которые путали службу психологической помощи с сайтом знакомств.

— Да, спасибо, я знаю, что у меня ангельский голос. Нет, я не планирую выходить за вас замуж в ближайшее никогда. Нет, мне неинтересна рыба... Черная икра? Хм... Все равно нет. Пожалуйста, не занимайте линию!

Почему-то Кэролайн предлагали подобное намного чаще, чем мне, — примерно в том же соотношении, в котором у меня запрашивали одобрение на убийство.

1

По голосу Кэролайн сразу (и весьма верно) представлялась миловидной блондинкой с модельными параметрами, чью работу в телефонной службе нельзя было назвать никак, кроме как преступным расточительством талантов. А вот мой голос, очевидно, рисовал ровно обратное. «Ой, не, у нее зубы явно щербатые, потому что у родителей на брекеты денег не наскреблось» или «М-да, даже волосы по утрам расчесать не может, вот и забирает резинкой-бантом в несуразный хвост» — что-то типа такого.

А может, они другое чуяли... То, что если один раз наружу выпустишь, никогда уже обратно до конца не затолкнешь; как порез, из которого кровь капает прямо в воду и зовет акул.

— Пс-с, Виола! — Кэролайн перегнулась к моему столу, прежде щелкнув пальцем по микрофону и отключив звук. Я на всякий случай проверила взглядом, что лампочка не мигает: в прошлый раз она промахнулась, и на том конце провода слушали, что у нас обеих закончились прокладки. — У меня тут опять прыщавый подросток, которого бросила подружка по переписке с другого конца мира. Он ее ни разу даже вживую не видел! Не хочешь махнуться?

— Прыщавый? Ты теперь диагностируешь акне по телефону? — насмешливо спросила я, вытягивая из-под кудрей наушник. Резиновые накладки были такими тугими, что могли оставить на черепе вмятины. Пришлось помассировать уши с золотыми сережками-колечками, чтобы перестало болеть.

— Прыщавые всегда гундосят, ты что, не замечала? Короче. Будешь меняться или как?

Прежде чем отвечать, я решила проверить, кто же достался на этот раз мне. Система распределяла звонки автоматически, по принципу кирпича, летящего на голо-

ву с крыши, — иногда тебя подключало к кому-то, кого рвало во время панической атаки как раз в тот момент, когда ты пытался дожевать обеденный сэндвич. Это всегда была рулетка — русская, — и я слышала, как ребята через несколько столов от меня даже делают ставки, через сколько звонков встретится очередной суицидник. Однако в последнее время все чаще звучали ставки на «жертв террора Ямато-гуми» — только за эту неделю каждому из диспетчеров пришлось обрабатывать минимум по три аналогичных запроса.

Надо было принять участие с парнями в споре. Если бы поставила сейчас свою зарплату, то выиграла бы, наверное, сразу три.

— Диспетчер Виола слушает! Как ваше имя?

— Выстрелы...

— Мэм?

— Там были слышны выстрелы, когда он позвонил, чтобы попрощаться. Сказал: «Мама, я тебя люблю, кажется, я умираю, в меня попали». Выстрелы... До сих пор их слышу. И почти не слышу ничего другого. Выстрелы... Мой сыночек...

— Да уж, лучше прыщавые подростки, — протянула Кэролайн и без лишних вопросов откатилась на кресле обратно к своему столу, когда мои руки судорожно забегали по страницам тетради с памятками и университетскими конспектами, которые я притащила из дома как раз на такой случай.

Желтый маркер — универсальные фразы для тех, кто плакал, разводился или ненавидел мать. Розовый — «если абонент представляет угрозу для себя или окружающих». Зеленый — техники заземления при тревожных расстройствах и истериках, синий — приемы гештальт-терапии для повторных звонков, красный — инструкция, что нажать на планшете для переадресации вызова

на экстренные службы с пометкой, написанной более изящным почерком, чем мой (наверное, Кэролайн): «Виола, не геройствуй». Таким же цветом на недавнем перерыве на шестую кружку кофе был внесен мой личный вклад в науку, еще совсем свежий, даже гелевые чернила не высохли: «НЕ ГОВОРИТЬ «Я В ВАС ВЕРЮ», ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК СОБИРАЕТСЯ КОГО-ТО ЗАВАЛИТЬ!»

Не то, не то, не то.

Ищи, ищи, ищи! Ну же!

— Прошу вас, мэм, успокойтесь. Вы сейчас в безопасности?

— Да, я дома, но мой сын... Всего четыре часа назад он позавтракал моими картофельными оладушками с беконом и вышел на работу, а теперь его больше нет. Он всегда сразу звонил мне, если что-то случалось, а я — ему. Теперь я не знаю, кому мне звонить. Я не знаю, что мне делать. Я не... я...

Именно так в этой профессии начинались самые тяжелые и долгие разговоры. Возможно, поэтому Кэролайн так хвалилась званием старожила, хотя работает здесь всего год — дольше тут попросту не задерживаются. Либо ты сидишь как на иголках, либо сидишь на антидепрессантах — другого не дано. Услыхав обрывки моего разговора, даже другие диспетчеры уважительно притихли. Кто-то заботливо подложил на край стола таблетку от головной боли, когда я отвернулась, тянясь за другой тетрадью в сумке, а кто-то впервые за все время, что я здесь, включил телевизор в углу под потолком, который я до этого считала сломанным. Скорее всего, это означало, что с таким голосом, какой был у этой женщины в моем наушнике — надломанным, сухим, как будто и не человек говорит вовсе, а призрак, которому живым уже никогда не стать, — звонили сейчас не мне одной.

«...СРОЧНО: в райо́не порта произошла перестрелка, предположительно между участниками преступных группировок Ямато-гуми и Монтрейн. По предварительным данным, конфликт мог быть связан с переделом контроля над грузовыми терминалами. Есть пострадавшие. Полиция оцепила квартал, движение в райо́не доков перекрыто. Очевидцев просят не приближаться к месту происшествия и передавать записи с камер телефонов правоохранительным органам».

Звука в телевизоре не было, но бежала мелкая строка, а за спино́й ведущего утренних новосте́й сменялись кадры, которые впору было разбирать на фильмы ужасов: разбросанные по площади трупы, россыпь блестящих гильз и металлические контейнеры для морских перевозок сплошь в пробоинах от пуль и пятнах крови, которые проступали даже через блюр. Наверное, доки после такого закроют не меньше чем на месяц, только чтобы отмыть.

— Вот дерьмо, — вырвалось у меня, на что в наушнике протяжно всхлипнули. — Ой́, это я не вам!

— Так, дава́й все же лучше я. Диспетчер Кэролайн слушает!

Я с благодарностью взглянула на Кэролайн, уже отделавшуюся от подростка и щелкнувшую несколько горячих клавиш на мое́й клавиатуре, чтобы перебросить вызов на свою станцию. С моего лба из-под челки уже текло, а по подушечкам пальцев размазались чернила, но нужную страницу в конспектах я так и не нашла. Ее приходилось открывать реже всего — «*помощь жертвам стихи́йных бедствий и терроризма*», — но что-то мне подсказывало, что найти ее все же стоит. На будущее.

1

«...СРОЧНО: в розыск объявлены Кэндзи Харакава, Шарль Деверо, Жан Веллини, Элайас Кроуфорд...»

Согласно все той же мелкой строке, контейнеры в порту при вскрытии оказались доверху набиты нелегальным оружием, подпольным производством и контрабандой которого, по слухам, промышляли как раз Ямато-гуми. Клан Монтрейн же специализировался на химических веществах, но и похищениями с торговлей органами на черном рынке не брезговал. Если бы пришлось выбирать, я бы однозначно голосовала за Ямато-гуми — они, по крайней мере, отличались верностью только одному ремеслу и не трогали простых людей.

Ну, по возможности.

«...СРОЧНО: 24 пострадавших, из них 4 — гражданские, в том числе сотрудники причала...»

Если бы кто-то еще год назад сказал мне, что я буду рассуждать о том, с кем лучше жить бок о бок — с преступниками или с преступниками, — я бы решила, что этому человеку здорово припекло голову на кукурузных полях, что распростирались тогда вокруг моего дома, и стоило бы носить панаму. Тогда слова «преступная группировка» я могла услышать только в фильме «Крестный отец», а слово «мафия» — когда играла с многочисленными родственниками в настольные игры после праздничного ужина. Здесь же, в этом городе, они были такой же печальной обыденностью, как гнилые овощи на рынке, и в последнее время звучали по радио каждые три часа.

— Я думал, город держат Ямато-гуми... Но эти Монтрейн в последнее время лезут из всех щелей, как тараканы, — проворчал из-за пластиковых перегородок кто-то на соседних рядах.